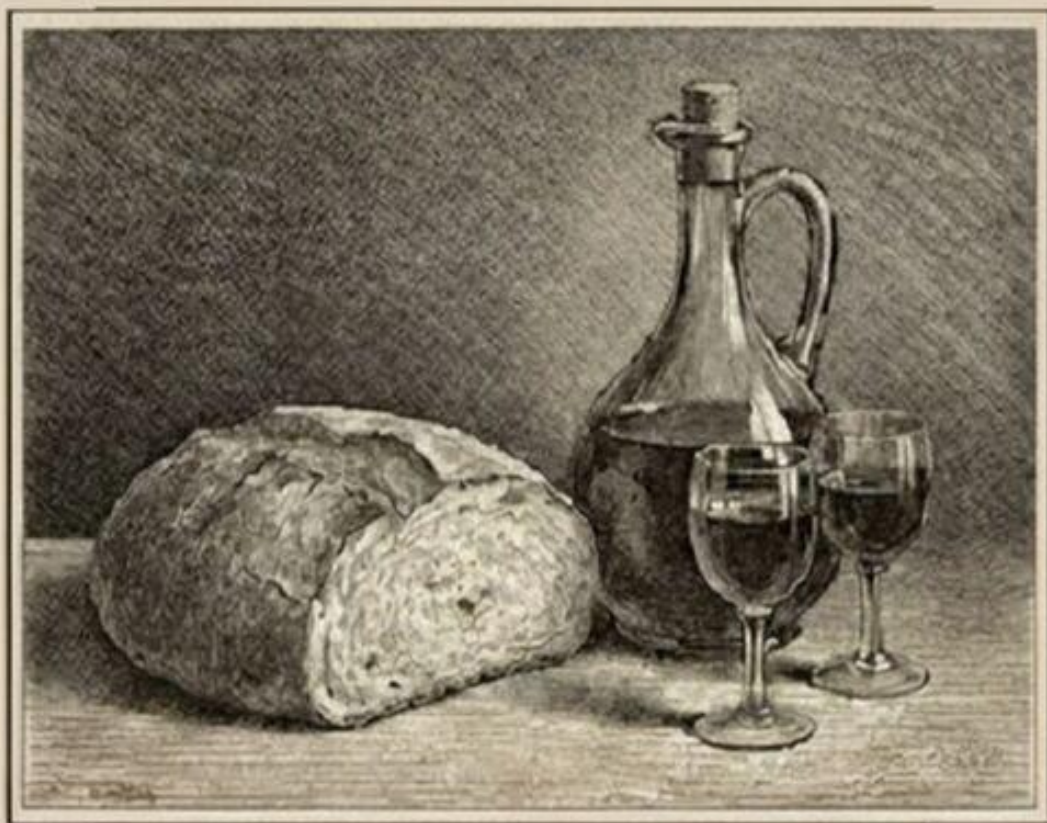

18+

Александр Меситов

ХЛЕБ И ВИНО

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ

Александр Меситов

Хлеб и вино. Поэтический ковчег

«Издательские решения»

Меситов А. М.

Хлеб и вино. Поэтический ковчег / А. М. Меситов —
«Издательские решения»,

Александр Меситов — член Союза писателей РФ. В данный сборник вошли как новые стихи автора, так и написанное ранее за многие годы творчества.

Содержание

Хлеб и вино	8
Зима. 1946	9
Улица	10
Добрый Ангел	11
Развод	13
Катрены	14
Элегия	16
За хлебом	17
Старый рыбак	18
Золотой репешок	19
Радоница	20
По кличке Король	22
Последняя встреча	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

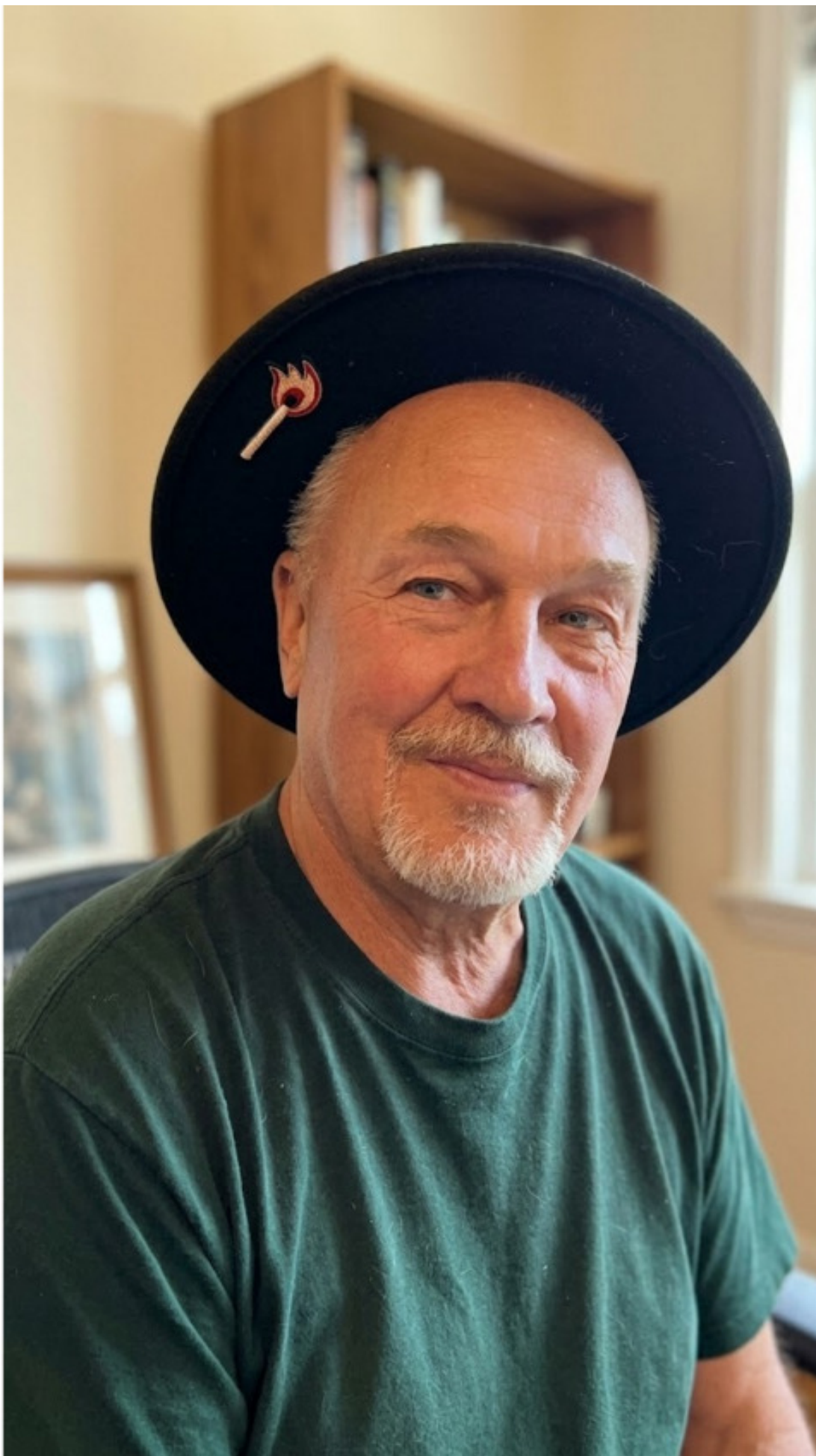
Хлеб и вино Поэтический ковчег

Александр Михайлович Меситов

© Александр Михайлович Меситов, 2026

ISBN 978-5-0070-0681-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хлеб и вино

Вот и настало оно
Время моё золотое.
Хлеб на столе и вино.
И Воскресенье святое.

Боже, мне много дано,
Но попрошу Тебя снова —
Даруй мне хлеб и вино
И вседушевное слово.

* * *

Топорами стучат лесорубы,
На дрова валят рощу берез.
А мороз рвет подземные трубы,
Проверяет на прочность колхоз.

Не до муз этой ночью метельной,
Нужен факел и вязкий мазут.
Кочегары в потухшей котельной
Обязательно печь разожгут.

Будут жить и коровы, и пони,
И растает в курятнике лёд.
Председатель с лицом Аль Капоне
К нам с паяльной лампой идёт.

Зима. 1946

Утро! Господи Слава Тебе!
Как команда на флоте «полундра»,
Просыпается тульское утро,
Подчиняясь голодной судьбе.

По нечищеным тропам народ
Побредет по тяжелым заносам,
Чтоб стучали станки и колёса,
Чтоб гудел оружейный завод.

Магазин и базар на пути,
Есть, где вспомнить Варшаву и Вену.
Натошак по стакану портвейна,
И хромать, и на смену идти.

Надо сильными быть нам вдвойне,
Вон с плаката следит строго Сталин.
Будем жить у огня и окалины,
И готовиться к новой войне.

Улица

*Самые тихие улицы в нашем городе названы именами
террористов.*

Н. Завалишин

Ах, как вишни цветут бело-розово
Среди старых и новых могил.
В Туле улица есть Каракозова,
Я по ней много раз проходил.

От Солунского храма, да Бог бы с ним,
На восток, восходит заря.
С пистолетом двуствольным, двухкапсюльным
Каракозов ходил на царя.

А сегодня у старого кузова
Первоклашка, хоть мал, да удал,
По слогам прочитал: «Ка-ра-пу-зо-ва»,
И всем сестрам по серьгам раздал.

Добрый Ангел

Август. В небе сверкало кресало.
Меня мучил мой детский вопрос.
Помню мама в ответ мне сказала:
«Добрый Ангел тебя нам принёс».

И тотчас ветер ласковый дунул,
И хрусталь в роднике зазвенел.
Я лежал и про Ангела думал.
Представлял, как со мной он летал.

Он летел из страны своей дальней,
Мимо храмов и белых берез...
Хорошо — не к соседке скандальной,
А к родным папке с мамкой принёс.

* * *

Слоняюсь по Туле, где скучно и стыло,
Где шепчет мне ветер в остывшей листве
Печальное «есть» и щемящее «было».
И плакать, и плакать захочется мне.

А мимо машины пылят оголтело,
И стелется дым по-над жерлами труб.
И недостижимо вольно и смело
Летят журавли и меня не зовут.

* * *

По утру ранней осенью встань,
В это время бродягам не спится.
Мы поедem с тобою на Птань,
Легкокрылую реченьку — птицу.

Вместе с ней полетим — полетим,
Тишину и холмы огибая.
Где стоит над протоками дым,
Где жива ещё Русь избяная.

Мост без рельсов, не падай, держись!
Все твои поезда отстучали.
Дай проехать нам в прошлую жизнь,
Вспомнить все незнакомые дали.

Где со станции люди идут

Из соседней деревни и нашей.
И родню с самых первых минут
Мы узнаем и кепкой помашем.

И с тобой нас узнает отец,
Улыбнется и скажет: «Явились?»
И подарит в махре леденец...
Брат, не плачь, мы ещё не родились.

Развод

Муж ушёл. По окну скрежет веток.
Как могла ему верной была.
Всё в семью, для него да для деток
Шила, пряла, очаг берегла.
На мужчин на чужих не глядела.
Все обиды училась прощать.
И подруг завести не посмела,
Чтоб сорокой полдня не трещать.
Ни гостей, ни обновок, ни счастья,
Только ночи в работе без сна.
А в ответ никакого участия,
От побоев согнулась спина.
Дом продал — преподнёс шиш на блюде,
У детей выпил детскую кровь.
И теперь незнакомые люди
Делят с нами обшарпанный кров.
Нет ни хлеба, ни соли, ни мыла...
В долг вовек ничего не брала...
И стенала, и билась, и выла.
И врала, и врала, и врала...

Катрены

Памяти Александра Земцова

Друг поэт воспевал краснотал,
Зимний лес, заштрихованный мелом.
Его книжки я редко читал,
Да и то на ходу, между делом.

А сегодня раскрыл наугад
Синий сборник, где оды и стансы,
Где над Волгой идет снегопад...
Стал читать и не смог оторваться.

На погосте дымится трава,
Над крестами летают сороки.
Загораются с треском слова,
Раскаленные плавятся строки.

* * *

Памяти С. Белозёрова, А. Денисова, Н. Завалишина

На родине малой живу как в плену.
Что делать мне с этой бедою?
Пойду и повою на злую луну,
На город, на Тулу повою.
Ты, Тула, не любишь своих сыновей,
Ты, Тула, иных привечаешь.
Иные тебе и милей и родней,
Да что там, ты все это знаешь.
Вон лучшие три балагура твои
С нуждой по задворкам шатались.
Признанья, тепла и немного любви
Они от тебя не дождались.
Куда там. В Заречье почётна тщета.
А тут кровь и кашель гортанью.
Да ветер, да ночь, да ещё нищета
И скорбная звёздная тайна.
Ушли. На могиле задуло свечу
А мне знать, и этого мало.
В подол твой по-детски вцепившись, шепчу:
«Родимая матушка, мама...»

* * *

Этой осенью снова один
Я бреду по слепым перелескам,

По бутылкам, по ржавым железкам,
Мимо старых берез и осин.

Хорошо бы напасть на грибы,
Засолить их под гнётом упруго,
Чтобы было чем встретить мне друга,
Когда друг мой придёт из тюрьмы.

* * *

Пусть кремлёвские
темные ели
тихо — тихо стоят на заре.
Я. Смеляков

Обновляется наша земля
Понемногу, по метру, по мили...
Вот и старые ели кремля
На молоденькие заменили.

Над столицей куранты стучат,
Светит лунная в небе подкова.
Вон их сколько детишек — ельчат
У бездетного Смелякова.

* * *

Ах, прорицания все эти,
Когда казнят себя поэты,
С себя срывают эполеты
И называют дату смерти.

Когда судьба меня стреножит,
То посреди церковных весей
Не пропоют мне «Святой Боже!»,
Но пропоют: «Христос воскрес!»

* * *

Ассирийский почтамт Нарьян-Мара,
Вся в снегу и морозе тиара.
Пес бежит, дым валит из утробы,
В янтарях и морошке сугробы.
Бык крылатый от Шойны до Виски
Черной кровью плюет неневийской.
И по тундре бредут как попало
Буровые Ашшурбанапала.

Элегия

Если в молодость снова отправиться
Я опять бы друзьям говорил:
— Мне такие девчонки не нравятся,
Этот тип мне нисколько не мил.

Только что же мне позже останется?
Перемелится принцип в муку.
Мне сегодня все девушки нравятся,
Каждый тип по душе старику.

За хлебом

Как давно это было. В четыре утра
За столом засыпаю я с ложкой у рта.
Мать прикрикнет: «Опять опоздаешь!»
Встать хочу. И никак все не встанешь.
Пальтецо запахнул, взял корзинку,
В темноте волочусь к магазину.
Где народ терпеливо толпится,
Кто судачит, кто курит, кто злится.
Кто Хрущева честит по мусалам...
Мне-то что? Я стою за Шувалом.
Я — сто пятый, под звездами неба
Я молюсь, чтоб досталось мне хлеба.
А Шувал курит трубку из груши,
Говорит: «Раньше было похуже...»
Ничего я не знаю про «хуже»,
Под ногами ноябрь студит лужи.
И трещит без макушки осина,
Пахнет хлебом пустая корзина.

Старый рыбац

Куртку прорезиненную скинешь
Да набросишь сеть на вешала.
И поймешь внезапно — это финиш,
Жизнь твоя по речке утекла.
С рыбами, причалами, кострами,
С лодками вверх дном на берегу,
Крачкой одинокой, комарами,
Ивами июльскими в снегу.
С лесозаводской девчонкой скромной,
Ставшей в скорой скорости женой,
С первым крепким домом у паромной,
С первой дочкой — северной княжной.
Внуки вон пошли за парой пара.
Жизнь идет, а в жизни все не зря.
И летят последние гагары
В дальний край, на теплые моря.
Время ни о чём тебя не спросит,
Гнёт своё, и снег вон закружил...
Бакены снимают и увозят.
Жизнь прошла. А вроде и не жил.

* * *

Вот поедет Серега Шангин
И меня позовет на охоту.
Я заброшу и дом и работу,
И поеду на ловлю ангин.
И гусиный протянется клич,
И ондатра поперет по болоту.
Я люблю эту злую свободу,
Вам в квартирах ее не постичь.
Ветер песню поет на юру,
Листья ивы трепещут азартом.
«С полем» пили, давай выпьем «с фартом»,
Птичью кровь о штаны оботру.
Спирт нам в глотки вонзит острйё
И согреет озябшую спину,
В самый раз бы запеть про рябину...
Только разве теперь до неё?
По болотам кружи и кружись,
Чтоб охота вовек не кончалась...
Стоп! Вон утка над лесом промчалась.
Быстро-быстро.
Быстрее чем жизнь!

Золотой репешок

По поселку, по сердцу, по краю
Зарычали чуть свет трактора.
Дом снесли, разгромили сараи
И кустарник сгребли со двора.
Котлован экскаваторы рыли,
Сваебойный долбил агрегат.
Пыль столбом. Но сквозь облако пыли
Видел я придворовый наш сад.
Утро летнее. Небо, как море.
Солнце детства ласкает, не жжет.
Рядом Ангел сидит на заборе
И меня от беды бережет.
Он на пяльцах семь звезд вышивает,
И серебряный тянет стежок,
И мой дом, и мой сад воспевает,
И траву — золотой репешок...
Жизнь пройдет. Утром трактор разбудит.
Пыль взметнется в лучах горяча.
«Люди, люди. Чего же вы, люди...» —
Ангел детства шепнет у плеча.

Радоница

Стол накрыт на четверых,
А пришедших — восемь.
Среди холмиков родных
Шум травы и сосен.

Брат с сестрой да мать с отцом,
Остальных не знаю...
Дети с ангельским лицом
Радуются маю.

Кто они? Я наизусть
Знаю все потери.
Пусть играют, впрочем, пусть...
Вот стучатся в двери.

Дед и бабушка стоят,
В рубище одеты.
Еле слышно говорят:
«Это наши дети

До погоста шли в пыли
(Помогли ярыжки),
И легчайшие несли
Гробики под мышкой.

Детки, детки — Божий дар,
Твои дяди, тётки...
Оля, Валя, Александр
Да ещё Володя...»

Вин поминных не ищи
Под иконой с розой,
Только огненные щи
Да печаль, да слёзы.

Туч нагнало дождевых
Речку Птань завесить.
Стол накрыт на четверых
А пришедших — десять.

* * *

Ученик заводского пошиба
По полям ухожу напрямки.
Попрощаемся, Тула, спасибо

За твои огоньки и дымки.
За цеха за казенным забором...
Только знаешь, хочу я сказать —
Мне не стать оружейным гравёром,
И разметчиком тоже не стать.
В сердце чувства иные мнутся,
И я с ними уже не борюсь.
Я иду и боюсь обернуться,
И вернуться и дрогнуть боюсь.
Обещает зазимок морозы
И повестку от доброй судьбы.
Но зовут впереди паровозы,
Но гремят барабаны судьбы.

* * *

Кончилась рыба в реке,
Чистого леса не стало.
Сизая хмарь вдалеке,
Воздуха сладкого мало.

Заячьих нету следов,
Рябчики в рощах пропали.
Пчельник погибнуть готов,
Ландышей нет у проталин.

В тундре от нефти черно.
Рвётся планета на части.
Кончилось в сердце добро
И истончилось участие.

Тяжесть, как камень в груди,
Катятся новые будни.
Что ждёт людей впереди?
Если они, люди, будут...

По кличке Король

В нашем старом шахтерском бараке,
Где жила перекатная голь,
Было место дворовой собаке,
Псу-приблуде по кличке Король.

Его угол дырявой кошмою
Я устлал, обозначив удел.
И тогда он собачьей душою
Человека во мне разглядел.

Дом пылил суетою и прахом,
Бабка пряла льняную кудель.
Я носил ему утренний сахар,
Он носил мой из школы портфель.

Поднималась страна из разрухи,
Вырастала до самых стропил...
Но однажды охотник Первухин
Просто так Короля застрелил.

Я рыдал, убежав за сарай,
И шептал: «Это я виноват...»
И катилась луна караваем
Сквозь холодный и чёрствый закат.

До сих пор не ломают бараки,
Там, где детство лелеяло нас.
Мне всю жизнь не хватало собаки,
Что вовек не предаст, не продаст.

Последняя встреча Стихи в скобках

Осенью яркой и пылкой
(Как это было давно),
Помню, как с Робертом Вылкой
В Качгорте брали вино.
После за лодкою нервной
(Сыпал песком суховей),
Пили из банки консервной
Злой и тягучий портвейн.
Он говорил: «Вот умора,
Осенью в тундре жара.»
(А за Тобседою в море
Чаячьи есть острова).
А иностранный Джек Лондон
(Был то босяк, то богат
И алкоголем изглодан),
Но по таланту нам брат.
Будни писателя трудны
(Сладок морошковый мёд).
Нас за открытие тундры
Слава всемирная ждёт.
Ну, а пока — буровая.
(Это ж еще не судьба).
Тоненький тросс потирая,
В стропах качалась труба.

* * *

Просыпается поздно деревня,
В чёрных окнах огни не горят.
Спят в морозной коросте деревья,
И пустые коровники спят.

До войны колокольню взорвали,
Но плывет по-над речкою звон.
А ещё над провалом и рвами
Сон плывёт, незапамятный сон...

Просыпается рано деревня,
И на пажити гонит коров,
И гремит петушиное пенье,
И сияет небесный покров.

На корню еще летнее сено.
Овцы росные травы жуют.

Люди дружно и пашут, и сеют,
И колосья тяжёлые жнут.

Всюду жизнь в многолюдье простая.
И от неба до неба — луга.
И на речке гусиная стая
Оглашает окрест а-га-га...

Вечеру соловьиные спевки,
Мягко светится в окнах огонь.
За околицей парни и девки
Будут петь до утра под гармонь...

Всё прошло. Мир живёт без согласий,
Весь в достатке и пьянстве погряз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.